

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОБ УСЛОВИЯХ, ПОРОДИВШИХ РАЗЛИЧИЯ В РАЗВИТИИ РАБСТВА, И ЕГО НАИВЫСШЕЕ РАЗВИТИЕ В АНТИЧНОМ МИРЕ*

(Заметки экономиста)

В развитии рабства у различных народов имеются поразительные различия. В то время как у многих народов рабства вообще никогда не существовало — в Австралии, у большинства племен Америки до ее открытия, — а у других оно играло ограниченную роль и никогда не превращалось в господствующую форму производства, у античных народов оно занимало господствующее положение и породило исключительный экономический, а вместе с тем и культурный их подъем.

Какие факторы обуславливали столь резкие различия в степени развития рабства? Что, в частности, обуславливало высокое, не известное другим странам и народам развитие рабства в античном мире? Настоящая статья посвящена рассмотрению этой весьма существенной проблемы, не получившей еще решения в исторической науке.

1. Различия в уровне развития производительных сил в отдельных странах в эпоху рабства; их двойственное значение для развития рабства

«Экономические эпохи, — писал Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерили развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. При этом наиболее отличительный признак определенной эпохи производственных отношений представляют «...механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства...»².

Археология, изучающая памятники материального производства, давно засвидетельствовала, что и каменный веки век металлас их многочисленными подразделениями наступали в отдельных странах в различные хронологические периоды, что в состоянии производительных сил отдельных стран в каждом периоде имели место часто значительные различия. Такое же явление имело место и в течение того периода, когда появилось и развивалось рабство: относящиеся к этому времени археологические памятники свидетельствуют об огромных различиях в состоянии производительных сил у отдельных стран и народов.

* Редколлегия журнала, помещая статью профессора-экономиста Д. В. Кузовкова, призывает читателей высказаться по существу затронутых в ней специальных вопросов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1952, стр. 187.

² Там же.

Греция, унаследовавшая от эгейского мира основные достижения в области материальной культуры и пополнившая их своими собственными достижениями, а также путем сношений с Финикией, Египтом и Вавилонией, имела в классический период значительное превосходство по уровню развития производительных сил перед странами европейского континента.

В результате различий в состоянии производительных сил отдельные народы далеко не в одинаковой степени располагали теми основными предпосылками¹, которые были необходимы для рабства даже в его примитивных формах, а тем более для массового рабства. Этот вывод находится в прямом соответствии с основными положениями исторического материализма, сформулированными И. В. Сталиным. Рабство, как определенная форма производственных отношений, представляет категорию производную от соответствующего состояния производительных сил. «Каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения», — писал И. В. Сталин².

Различия в состоянии производительных сил оказывали решающее влияние на развитие рабства у отдельных народов делали неизбежными различия в уровне его развития в отдельных странах.

Указанный вывод в основном уже дает ответ на поставленный в самом начале вопрос об условиях, породивших резкие различия в степени развития рабства. Однако воздействие, которое оказывали различия в состоянии производительных сил на развитие рабства, отличалось большой сложностью и требует специального изучения.

Возникшие в силу тех или иных обстоятельств различия в состоянии производительных сил были непосредственной причиной различий в возникновении и развитии рабства, но кроме того, различия в состоянии производительных сил создавали условия, влиявшие на состояние и с т о ч н и к о в р а б с т в а, что имело крупнейшее значение для его развития. Для того чтобы вскрыть влияние различий в состоянии производительных сил в этом втором значении, необходимо остановиться на тех объективных экономических и внеэкономических условиях существования рабства, которые могли испытывать косвенное влияние со стороны этих различий.

2. Дешевый рабский труд — обязательное условие существования развитой рабовладельческой системы

Развитое рабовладельческое общество возникло и существовало в условиях товарного производства. Энгельс указывал, что для того чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства, требуется еще значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств³. По отношению к этому уровню развития полную силу имеет положение И. В. Сталина о том, что там, где существует товарное производство, не может не быть закона стоимости⁴.

Правда, как писал Маркс, даже развитое рабовладельческое общество Греции и Рима сохраняло элементы натурального хозяйства⁵. Однако наличие в рабовладельческом обществе натуральных элементов нисколько не исключает существования внутри его законов и основных категорий товарного производства⁶.

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 150.

² И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1950, стр. 60.

³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 150.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 19.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. II, 1952, стр. 480.

⁶ «Товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству

Поскольку в рабовладельческом обществе товарное производство играет большую роль, соответственно этому в таком обществе действует закон стоимости.

При товарном производстве, где орудия и средства производства не обобществлены и распределение производительных сил происходит стихийно,— закон стоимости может осуществляться только при посредстве принудительного закона конкуренции, который господствовал как при товарно-капиталистическом, так и при простом товарном производстве¹.

Таким образом, товаропроизводители-рабовладельцы в их борьбе с выступавшими на рынке свободными ремесленниками и крестьянами были подчинены законам товарного производства — закону стоимости и принудительному закону конкуренции². Если бы в конкуренции на рынке рабовладельцы не располагали никаким преимуществом, рабовладельческое производство не могло бы занять господствующее положение, рабы не могли бы вытеснить самостоятельных производителей. Если же в действительности рабовладельческое производство и рабский труд восторжествовали, а самостоятельные производители, ремесленники и крестьяне под влиянием непосильной для них конкуренции превращались в пауперов и люмпенпролетариат, то совершенно ясно, что рабовладельческое производство располагало каким-то решающим экономическим преимуществом.

На первый взгляд это явление кажется парадоксальным. Как известно, органическим недостатком рабского труда была его низкая производительность. Поскольку повышение производительности труда не приносило рабу никаких выгод, оно экономически ничем не стимулировалось. Задачей раба в процессе производства было не повышение, а максимальное снижение трудовых усилий, чтобы защитить себя от стремления ра-

менной стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиваться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, едва начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта ступень развития присуща исторически самым различным общественно-экономическим формациям. (К. Маркс, Капитал, т. I, 1952, стр. 176). Для существования такой категории товарного производства, как деньги во всех их формах, вплоть до мировых денег, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения (см. К. Маркс, там же).

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, 1952, стр. 322, 325. Применительно к товарному производству вообще Маркс писал: «Закон, согласно которому на производство продукта должно быть затрачено лишь общественно-необходимое рабочее время, при товарном производстве проявляется вообще только в виде принудительного внешнего давления конкуренции, ибо, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене» (там же, стр. 353).

² «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары,— будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелко-крестьянское и мелко-буржуазное, или капиталистическое производство,— это несколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы» (К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 337).

«Производственный процесс угасает в товаре. Тот факт, что на производство товара израсходована рабочая сила, представляется теперь как вещественное свойство товара,— как свойство товара обладать стоимостью; величина этой стоимости измеряется величиною израсходованного труда; ни на что другое товарная стоимость не разлагается и не состоит ни из чего другого...

В этом отношении товар, произведенный капиталистом, ничем не отличается от товаров, произведенных самостоятельным рабочим, общинами трудящихся [Arbeitergemeinden] или рабами» (там же, т. II, 1952, стр. 385—386).

бовладельца выжать из него возможно большую массу труда в возможно короткий срок. Невыгодность рабского труда увеличивалась также тем, что он был, как писал Маркс, неизбежно связан с нецелесообразным потреблением сырого материала и средств труда «Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве»¹. Раб дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Он дурно обращается с ними и с истинным сладострастием подвергает их порче. «Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»².

Профессиональная специализация и общественное разделение труда, связанные с дифференциацией орудий труда и с преемственностью производственных навыков, представляют основной путь для повышения производительности труда. А между тем, возможности специализации, лежащей в основе разделения труда внутри мастерской и за ее пределами, были для рабовладельческого производства очень ограничены. Для предотвращения побегов и восстаний кадры рабов вербовались, как правило, из различных народностей и представляли собой разноплеменную, разноязычную, механически связанную массу. Повышенная смертность приводила к частой смене рабочих поколений. Отсутствие у рабов семьи и потомства еще более затрудняло передачу профессиональных традиций и навыков, играющих огромную роль в специализации ремесла. Все это в сильнейшей степени ухудшало условия для разделения труда в производстве, основанном на труде рабов, по сравнению с разделением труда среди свободных работников.

И тем не менее, несмотря на низкую производительность рабского труда, его товарная продукция явно имела преимущество в рыночной конкуренции. Совершенно ясно, что при известных условиях, непроизводительный рабский труд обладал каким-то преимуществом, которое с избытком перекрывало его указанный органический недостаток. В чем же могло заключаться это преимущество?

Располагая ничем не ограниченной властью над рабами, рабовладелец имел возможность повышать до предела степень эксплуатации их рабочей силы, не останавливаясь перед преждевременным изнашиванием работника, — это первое и основное преимущество рабовладельческого хозяйства. Рабовладелец мог доводить до минимума издержки по содержанию раба — издержки на его питание, одежду, жилище и т. п. — и даже держать эти издержки ниже чисто физического минимума. Вся разница в уровне издержек на свободного работника и на раба представляла выгоду рабовладельческого хозяйства — его второе преимущество. Рабовладелец, кроме того, мог снизить до минимума издержки по воспроизводству рабов. Издержки на воспроизводство работника складывались из снижения и потери трудоспособности женщины-матери до и после рождения ребенка, издержек по содержанию и воспитанию детей в течение длительного периода, по меньшей мере в 10—12 лет. (Но и в возрасте 10—16 лет при вообще низкой производительности труда дети едва ли покрывали издержки на их содержание). Эти издержки, кроме того, повышались в результате смертности, — особенно высокой в младенческом периоде, — неизбежно аннулировавшей часть затрат, связанных с рождением и воспитанием. Этим объясняется то, что, по единодушному признанию современных исследователей, выращивание рабов дома или в специальных питомниках у античных рабовладельцев было одним из второстепенных источников рабства. В той мере, в какой покупная цена рабов была ниже суммы издержек по воспроизводству работников свободного труда, рабовладелец нес относительно более низкие издержки по воспроизводству рабочей силы — это третье экономическое преимущество рабовладельческого хозяйства.

Это последнее преимущество было особенно велико, когда рабовладельческое общество основную массу или значительную часть рабочей силы получало непосред-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1952, стр. 203, прим.

² Там же.

ственно путем войны, как это было в Риме, или когда взрослых рабов получали за бесценок в торговле с менее культурными народами, которые в этих случаях становились как бы сектором воспроизводства рабочей силы рабовладельческого общества.

Отмеченные выше моменты в их совокупности порождали то основное и единственно возможное преимущество рабовладельческого производства — дешевой рабский труд — которое позволяло ему одерживать верх в борьбе за рынок.

В Греции классического периода при низких издержках по воспроизводству рабов, происходившему в основном в порядке импорта, и при незначительных издержках по их содержанию, эксплуатация рабского труда была настолько выгодна, что при отдаче рабов в аренду их собственник получал 20% на капитал, затраченный на их покупку¹. Поскольку в рабовладельческой Греции покупка рабов была важнейшей формой помещения денежного капитала, средняя доходность денежных капиталов держалась на уровне, близком к 20%. Официальный процент на денежный капитал равнялся 18%².

Преимущество дешевого рабского труда настолько перевешивало невыгоды, обусловленные низкой его производительностью, что рабовладельцы, располагавшие возможностью эксплуатировать труд свободных наемных рабочих, конкурировавших с рабами и вынужденных равняться по ним, предпочитали эксплуатировать менее производительный подневольный труд рабов. Остановимся на этом чрезвычайно существенном моменте.

В условиях развитого рабовладельческого общества, например, Греции V—IV вв. до н. э., имелся налицо избыток свободной рабочей силы. Важнейшим фактором, порождавшим этот избыток, было растущее внедрение рабства, приводившее к вытеснению свободных самостоятельных производителей. Вытесняемые из производства, обнищавшие самостоятельные прежде производители частью превращались в своего рода резерв рабовладельческого производства³, а в основном — в люмпенпролетариев, живших за счет подачек государства и случайного или сезонного заработка⁴.

Наличие избытка свободной рабочей силы в рабовладельческой Греции засвидетельствовано также развитием наемничества. Если массы наемников готовы были ради заработка взять на себя труд войны нередко в чужом краю, связанный с риском смерти, ранений или плена, приводившего к продаже в рабство, то это является прямым показателем того, что греческие рабовладельцы имели обильное предложение труда со стороны поставленного в тяжелое материальное положение свободного населения.

¹ Исследователи указывают, что средняя цена раба в период Пелопоннесской войны составляла 3 мины, т. е. 300 драхм, и что обычно арендная плата за раба равнялась одному оболу в день, т. е. 60 драхм в год, что составляло 20% на покупную цену раба. См. Н. Wallon, *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*, Paris, 1879, т. I, стр. 249.

² Разводясь с женой, муж платил 18% за ту часть приданого жены, которую он не мог возратить немедленно. Такой же процент фигурировал и в других сделках.

³ Обедневшие свободные граждане становились наемными рабочими, выполнявшими в качестве поденщиков различного рода подсобные работы или работы сезонного характера, когда постоянный контингент рабов не мог справиться со спешными работами по уборке урожая полевых культур или сбору винограда. В Афинах обедневшие свободные граждане, жившие наемным трудом, составляли особый, четвертый класс фетов, — и это по конституции Солона, когда вытеснение рабством свободного труда имело еще ограниченные размеры. Аристотель также считал фетов необходимой составной частью рабовладельческого государства (Aristot., *Polit.*, IV, 3, 11). Такую же роль резерва наемный труд играл в рамках поместья в Риме.

⁴ Даже люмпенпролетарии не могли жить за счет одних — прямых или косвенных — подачек государства и, несмотря на свое презрение к труду, выступали как наемные рабочие при государственных постройках Перикла, где они работали рядом с рабами.

Таким образом, если при зарождении рабства в недрах родового строя «...сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, излишних рабочих сил»¹, и для первого эксплуататора не было никакого иного выбора, кроме превращения в раба военнопленного, то на той ступени, когда уже имеются предпосылки для развитого рабства, когда с развитием торговли и промышленности стало происходить накопление и концентрация богатств в руках немногих и обнищание массы свободных граждан², эксплуататор мог эксплуатировать не только труд рабов, но и имевшийся у него под рукой наемный труд своих обнищавших сограждан. И тем не менее, имея полную возможность использовать более производительный свободный труд наемных рабочих, предприниматели в Греции и Риме предпочитали эксплуатировать менее производительный подневольный труд раба.

Это тем более поразительно, что для эксплуатации покупных рабов рабовладелец должен был предварительно аккумулировать значительно большее количество средств, чем для эксплуатации наемного труда: он должен был покупать не рабочую силу раба, так как она не была товаром и не имела стоимости, а самого раба, т. е. авансировать средства в размере всей его ценности. Поскольку есть основания полагать, что, например, в Афинах рабовладелец на покупку рабов затрачивал почти столько же, сколько на приобретение всех остальных средств производства³, то это означает, что за счет одинакового по своим размерам капитала предприниматель мог эксплуатировать почти в два раза большее количество наемных рабочих, чем рабов⁴.

Совершенно ясно, что рабский труд обладал в данных условиях экономическим преимуществом по сравнению с наемным свободным трудом и этим преимуществом могло быть единственное преимущество, которым мог обладать подневольный труд, — его дешевизна⁵.

Итак, подчиненное закону стоимости и принудительному закону конкуренции рабовладельческое производство могло приобрести и сохранить господствующее положение только в том случае, если оно располагало массами дешевого рабского труда; вне этого условия такое производство с его малопродуктивным подневольным трудом не могло одержать верх над производством самостоятельных производителей с его более производительным свободным трудом вне этого условия было невозможно существование развитого рабства.

Но это решающее условие в свою очередь возникало лишь тогда, когда рабовладельческое общество располагало богатыми источниками рабства, дававшими много

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 169.

² См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 173.

³ Насколько большую роль стоимость рабов играла по сравнению с другими элементами производства, видно из исчисления стоимости двух «фабрик», унаследованных Демосфеном: стоимость самих орудий производства, инструментов оказалась настолько ничтожной, что была скинута со счетов, стоимость сырья (слоновая кость, железо, дерево) составляла 2 таланта 30 мин; стоимость дома, где помещались также и мастерские, — 30 мин (0,5 таланта), стоимость же рабов, большинство которых, песоменно, работало в мастерских, достигала 3 талантов 50 мин (Demosth., c. Afobum, I, 9—10).

⁴ Нет никаких оснований думать, что в этом предпочтении какую-либо роль играло презрение к труду или связанная с этим повышенная требовательность со стороны свободного наемного труда. Презрительное отношение к труду у свободных крестьян, игравшее огромную роль в судьбах античного общества, было не причиной поражения свободного труда, а следствием этого поражения и торжества рабовладельческой эксплуатации.

⁵ Положение, что победа рабства осуществлялась в порядке конкуренции рабского труда, превращавшего самостоятельных производителей в пауперов, — это положение приводится в советской исторической литературе как общепризнанное. См., например, В. С. Сергеев, История древней Греции, 1934, стр. 129; 1948, стр. 244,

рабов, и притом дешевых рабов. Тем самым для существования развитой рабовладельческой эксплуатации огромное значение получает вопрос об источниках рабства, за счет которых должны были воспроизводиться рабочие кадры этого общества.

3. Различия в состоянии производительных сил порождали дополнительные источники рабства для рабовладельческого общества

Не подлежит сомнению, что у племен и народностей более отсталой периферии всегда имелись источники рабства; их порождали неизбежные местные войны из-за мест охоты, из-за пастбищ для скота, из-за земли: война, писал Энгельс, так же стара, как и одновременное существование нескольких общинных групп¹. Но так же несомненно и то положение, что в силу низкой производительности труда массы таких рабов или совсем не могли быть использованы на месте для рабовладельческой эксплуатации и их убивали, или же могли быть объектом лишь малоэффективной эксплуатации, менее выгодной, чем в более передовых районах с более высокой производительностью труда.

С другой стороны, перемещение военнопленных-рабов из отсталой периферии в районы, продвинувшиеся в своем развитии, повышало производительность их труда и их ценность как объектов эксплуатации. Кроме того, передовые районы располагали как необходимыми эквивалентами для работорговли и притом менее громоздкими, так и средствами, необходимыми для крупной работорговли караванного типа, способной преодолевать большие расстояния в условиях часто враждебной среды².

Все это превращало районы с более высоким уровнем развития производительных сил в центры притяжения для больших масс потенциальных рабов, порождаемых условиями отсталой периферии. Наибольшими возможностями в этом отношении располагали, при прочих равных условиях, выгодно расположенные приморские районы, находившиеся в соприкосновении с огромной периферией, простиравшейся по берегам морей и впадавших в них рек.

Указанная закономерность находит свое подтверждение во всей истории работорговли: эта история не знает случаев, когда более развитые страны экспортировали бы своих рабов в страны более отсталые, — наоборот, более передовые страны всегда были покупателями и импортерами рабов, а страны более отсталые — их поставщиками³.

Вместе с тем различия в состоянии производительных сил приобретали новое значение для развития рабства: районы, превратившиеся в центры притяжения для работорговли (импорта рабов), получали, наряду со своими внутренними источниками рабства, источники внешние, тогда как рабовладельческая эксплуатация в периферийных районах, являвшихся поставщиками рабов, не пользовалась и своими внутренними источниками. Это не могло не отражаться на степени развития рабства у различных

¹ См. Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1953, стр. 169.

² Необходимо при этом учитывать, что работорговля в рамках самой отсталой периферии была, как правило, невозможна: в условиях более или менее одинаковой отсталости перемещение рабов не приводило здесь к повышению производительности их труда и в то же время было связано с огромными издержками (примитивность средств сообщения, замкнутость и взаимная враждебность племен) и другими препятствиями (отсутствие легко перевозимых эквивалентов для работорговли и т. д.).

³ Наряду с основной, чисто экономической функцией перемещения рабов из более отсталых районов с низкой производительностью труда в районы более высокой производительности, работорговля выполняла также и другую функцию: она перемещала рабов из районов их происхождения в районы более отдаленные, трансформируя этим эндогенных рабов в рабов экзогенных, лишая их возможности уйти от эксплуатации бегством на родину. В этой своей функции работорговля имела значение также и для районов, не отличавшихся большими различиями в своем развитии.

народов. В более отсталых районах периферии отсутствовали все условия для существования развитого рабства. Наоборот, в районах, ранее других продвинувшихся вперед, в силу соответствующего развития производительных сил, имелись как внутренние, так и внешние источники рабства. И чем обширней была доступная для работорговли отсталая периферия, тем обильнее могли быть источники рабства для возникших в таких районах рабовладельческих обществ, тем дешевле здесь мог быть рабский труд. Соответственно этому в таких районах с наибольшей силой могли проявиться те потенциальные экономические преимущества рабского труда в его борьбе за господствующее положение, о которых говорилось выше.

Однако влияние различного состояния производительных сил на возникновение рабства и на степень его развития не ограничивалось отмеченными выше моментами и находило свое проявление также и в другом отношении. Для того чтобы выявить это влияние, нам необходимо остановиться на внеэкономических условиях существования рабства и на том значении, которое имело для него иноземное происхождение эксплуатируемых.

4. Значение иноземного происхождения эксплуатируемых для рабства, как системы внеэкономического принуждения

Общепризнанным является то положение, что рабство было системой эксплуатации, в которой важнейшую роль играло внеэкономическое принуждение. Тяжелый рабский труд был невозможен без наличия средств, предотвращавших уход рабов от эксплуатации путем побегов и восстаний. Невыносимое положение раба, отсутствие у него какой-либо связанности с рабовладельцем и близость к родине делали побег рабов неустрашимыми.

Даже в Греции классического периода побег рабов, когда к этому открывалась возможность, создавали огромную опасность для рабовладельческого государства. Ярким примером может служить бегство из Афин 20 тыс. рабов во время Пелопоннесской войны. Греческая историография ничего не говорит о судьбе беглецов, но во всяком случае это не было бегство на родину. По своему составу эти беглецы, несомненно, представляли разноплеменную массу, мало приспособленную к совместным действиям — за это говорит неизменное стремление греческих рабовладельцев ослаблять таким путем сопротивление рабов (см. ниже, стр. 116-117). Чтобы оценить значение этого факта, следует учесть, что в Афинах рабы находились, как известно, в более сносном положении по сравнению с другими рабовладельческими полисами — достаточно вспомнить, что закон здесь преследовал за убийство раба так же, как за убийство гражданина.

Афины представляли собой могущественное рабовладельческое государство, располагавшее аппаратом государственного насилия и господства. Город был окружен неприступными стенами, причем за этими стенами в условиях военной блокады было сконцентрировано все население Аттики, в том числе и рабы, а самые стены, как писал Фукидид, бдительно охранялись днем и ночью (Thuc., VII, 28, 2). И все же, когда армия других рабовладельческих государств создала поблизости от Афин убежище для афинских рабов, этого было достаточно, чтобы рабы, главным образом ремесленники, перебежали к неприятелям (Thuc., VII, 27, 5).

Тяжелым ударом было бегство рабов и для крупнейшего рабовладельческого государства на Хиосе (Thuc., VIII, 40, 2).

Огромную опасность создавали побег порабощенных также и для спартанского государства. Достаточно было афинянам захватить прибрежный пункт, находившийся на территории Спартанского государства (Пилос) и превратить его в убежище для илотов, чтобы спартанское государство оказалось бессильным против массовых побегов илотов (Thuc., IV, 41,3; V, 14,3).

На фоне этих исторических фактов легко представить, какие непреодолимые трудности для становления развитого рабства создавались в условиях эндогенного рабства. Здесь рабы, которые вербовались путем войн между соседями, имели убежища посто-

янные, а не временные, как в Аттике, на Хиосе или в Пилосе, и эти убежища были не укреплениями другого рабовладельческого полиса, а родиной беглых рабов; здесь рабы представляли не разноплеменную толпу не понимавших друг друга рабов, а этнически более или менее однородную массу; здесь вместо сложившихся рабовладельческих государств, располагавших аппаратом принуждения, существовали разбросанные на обширных малонаселенных территориях примитивные племенные группировки. В этих условиях бегство рабов было неустранимо, и массовое рабство с высокими нормами эксплуатации было невозможно.

Отсюда универсальный метод борьбы с побегими пленных рабов — истребление всех взрослых мужчин, метод, абсолютно неизбежный в условиях эндогенного рабства, хотя взрослые рабы мужского пола представляли наиболее ценную категорию рабов. У Гомера оружием истребляются «мужи», а дети вместе с «пышно одетыми женами» уводятся в плен.

Наряду с истреблением пленных мужского пола, в борьбе с бегством пленных применялись различные способы калечения пленных, лишавшего их способности к бегству¹. На ранних ступенях развития рабства захвативший в плен члена соседнего враждебного племени неизбежно стоял — особенно при отсутствии работорговли на дальние расстояния — перед выбором или умертвить его ввиду невозможности предотвратить его бегство, или путем калечения чисто физически лишить его способности к бегству и этим сохранить его как объект рабовладельческой эксплуатации. Это происходило не потому, что та или иная народность не созрела экономически для эксплуатации не только женщины-рабынь, но и более эффективного мужского труда рабов, а потому, что для такой эксплуатации в распоряжении этих народностей и племен не существовало достаточных средств внеэкономического принуждения.

Иначе складывались условия для внеэкономического принуждения у народностей с более высоким развитием. Здесь, в силу отмеченных выше причин, наряду с внутренними источниками рабства имелись внешние источники, лежавшие за пределами данного общества, и это радикально изменяло положение дела.

Рабы представляли здесь разноплеменную массу, не связанную ни общим происхождением, ни общностью языка, ни — при массовых побегах — общей целью, ибо их родина лежала в различных направлениях. Отделенный от своей родины значительным, часто совершенно неизвестным пространством, в особенности морским, незнавший языка порабитителей и соседних народностей, раб лишался почти всякой возможности возвратиться себе свободу путем бегства на родину.

Все это создавало огромные затруднения для побегов и восстаний рабов; этим объясняется то, что иноплеменный и разноплеменный состав рабов был одной из основных заповедей для античных рабовладельцев и их идеологов².

¹ На тех ступенях развития, о которых сохранились письменные памятники, калечение рабов как метод борьбы с их побегими, конечно, уже вышло из употребления: при наличии сложившегося государства в его пределах с побегими рабов боролись путем клеймения рабов и законодательства об обязательной выдаче беглецов, а с побегими за пределы государства — путем соответствующих договоров между государствами. Кроме того, на такой ступени развития уже существовала работорговля с отдаленными районами, которая трансформировала эндогенное рабство в рабство экзогенное. Естественно поэтому, что калечение рабов не могло найти отражения в письменных памятниках, относившихся к государствам как античного, так и восточных обществ.

² Ссылаясь на то, что государство, обладающее большим числом рабов, говорящих на одном и том же языке, терпит много бедствий, и приводя в качестве примера постоянные восстания в Спарте илотов-мессенцев, Платон советует: «Чтобы рабы легче подчинялись, они не должны быть земляками между собой и прежде всего они должны быть по возможности разноязычны» (Plato, *Leges*, 777 cd).

Аристотель в этом отношении повторяет заповедь Платона: рабы «не должны все

Различие условий для внеэкономического принуждения в районах, стоявших на неодинаковом уровне развития, являлось дополнительным стимулом для работорговли: если в отсталых районах, при невозможности здесь предотвращения побега рабов, их ценность часто равна была нулю и приходилось их истреблять, то перемещение их в более передовые районы, где они становились экзогенными рабами, превращало их в полноценные объекты эффективной рабовладельческой эксплуатации. Работорговля приобретала новую дополнительную функцию: она повышала ценность перемещаемых рабов не только тем, что повышалась производительность их труда в более передовых районах, но и тем, что она трансформировала эндогенных рабов в рабов экзогенных со всеми выгодами этого явления для их эксплуатации.

Таково второе значение для источников рабства различий в состоянии производительных сил: стимулируя перемещение рабов из периферии, они усиливали приток рабов в более развитые районы, тем самым они благоприятствовали накоплению здесь дешевой рабочей силы, легче осваиваемой рабовладельческой эксплуатацией.

5. Особенности развития античного общества

Наряду с различиями, характерными для рабства у отдельных античных народов, античному рабству в его целом было присуще нечто более общее, что отличало его от рабства за пределами античного мира. Общепризнано, что таким общим было превращение античного рабства в господствующий способ производства.

Какие факторы породили эту основную особенность античного рабства? Общеизвестные факты из истории античных народов и прежде всего из истории Греции, вместе с изложенными выше закономерностями, позволяют выявить два фактора, обуславливающих указанную основную особенность.

Во-первых, еще до начала собственно античного (или классического) периода в развитии рабства они по состоянию их производительных сил созрели для становления развитого рабства. Народы, населявшие восточную часть Средиземного моря, а через них и народы западной его части, унаследовав или восприняв важнейшие достижения в области материальной культуры трех древнейших культурных очагов — эгейского мира, Вавилонии и Египта, — уже располагали условиями, обязательными для превращения рабства в господствующий способ производства.

Во-вторых, для полного развития рабства античного типа, кроме достижения соответствующего уровня производительных сил, необходимым условием было наличие богатых источников для воспроизводства дешевой рабочей силы — условие абсолютно обязательное, ибо без него невозможна была победа рабовладельческого производства, опиравшегося на малопродуктивный труд рабов, превращение его в господствующий способ производства. Это обязательное условие у античных народов было создано различием в уровне производительных сил у этих народов и окружавшей его более отсталой периферии, которое порождало для античного рабовладельческого производства внешние источники рабства, дополнительные к их внутренним источникам, — и это было вторым решающим фактором превращения рабовладельческого способа производства у античных народов в господствующий.

Совокупное действие этих двух основных факторов повело к превращению давно существовавшего рабства в рабство античного типа. В Греции этот переход ясно связан с двумя кардинальными моментами греческой истории — с торжеством «железного века» ко времени Гесиода и развитием Великой греческой колонизации, создавшей опорные пункты для торговли и прежде всего для работорговли с огромной отсталой периферией на континенте.

быть единоплеменниками и иметь горячий темперамент; при таких условиях они могут быть полезны для работы и не придется опасаться восстаний» (ук. соч., VII, 9), и советует: «не приобретать много одноплеменных рабов» (Arist., Oeconomica, 5).

Варрон точно так же не забывает предупредить: «не должно быть много рабов одной и той же народности, ибо это источник осложнений в доме» (Varr. De re rustica, I, 17_{3,5}).

Окончательный переход к веку железа знаменовал новый этап в развитии производительных сил, подготовившийся предшествующим высоким развитием века бронзы, — этап, обеспечивший все условия для развития рабства, поскольку это развитие зависело от состояния производительных сил. В то же время Великая греческая колонизация, проложившая дорогу к богатым источникам дешевой рабочей силы, обеспечивала рабовладельческому производству успех в его конкуренции с производством свободных ремесленников и крестьян.

В Риме переход давно существовавшего рабовладельческого производства в господствующую форму производства также отнюдь не только хронологически был связан с появлением исключительно богатых источников рабства: только когда успешные завоевательные войны III и II вв. и ростовщичество в завоеванных провинциях дали для рабовладельцев богатые источники дешевой рабочей силы, только тогда рабовладельческое производство стало быстро вытеснять свободных производителей.

Таким образом, указанные выше события из истории Греции и Рима полностью созвучны тем важнейшим положениям нашей статьи, что состояние источников рабства вместе с состоянием производительных сил имело решающее значение для перехода древнего рабства античных народов на его новую, собственно античную стадию.

Наряду с тем, что античное рабство было наиболее развитым рабством, античная рабовладельческая формация обладала рядом других присущих ей особенностей. Сюда относятся особенности в политическом развитии античных обществ и в отношении собственности, а также ликвидация долгового рабства. В каком соотношении эти моменты находятся с упомянутой важнейшей особенностью античных рабовладельческих обществ? Не являлись ли они причиной, порождавшей эту ее особенность?

Для марксиста совершенно ясно, что политический строй античного, как и всякого другого общества, представлял явление, производное от совокупности производственных отношений и прежде всего от того, что античное общество было обществом рабовладельцев; поэтому особенности политического развития таких обществ, конечно, нельзя рассматривать как причину, обуславливавшую господство рабовладельческого производства. Присущей античному обществу особенностью в отношении собственности было то, что совокупность всех свободных граждан античного государства была коллективным собственником принадлежавшей государству земельной территории, а с развитием рабства — коллективным рабовладельцем. Это было вполне естественно: охранять или расширять принадлежавшую государству земельную территорию, держать в повиновении рабов и охранять их от захватов можно было лишь общими силами всего коллектива свободных, который соответственно этому и был коллективным собственником территории и рабов. Ясно, что если античный полис был коллективным рабовладельцем, то это отнюдь не могло быть причиной превращения античного рабства в господствующий способ производства: исходным моментом было появление в античном полисе класса рабов, а то, что масса рабов удерживалась в повиновении и охранялась от захвата (как и вообще всякое другое имущество) общими силами всего коллектива свободных — это было лишь формой разрешения этой задачи, — формой, которая не могла быть причиной появления класса рабов, так же как охрана от захвата всякого другого имущества граждан полиса не может рассматриваться как причина возникновения и роста этого имущества.

Отмена долгового рабства, сопутствовавшая становлению античного рабовладельческого общества, точно так же не могла быть причиной этого становления; она была лишь следствием и выражением победы одного вида рабства над другим — победы над рабством закабаленных сограждан рабства иноплеменников, исходным фактором которого было наличие богатых источников иноплеменных покупных рабов¹. Там, где

¹ То положение, что основные источники рабства в античных государствах, в частности в Греции, лежали за их пределами — разделяется многими (но не всеми) историками. Это положение будет специально обосновано в особом разделе нашей работы, по отношению к которой настоящая статья является вводной частью.

работорговля, как в Греции, или успешные войны, как в Риме, представляли обильные, абсолютно и относительно (по отношению к размерам рабовладельческого общества), устойчивые источники рабства, доставлявшие массы дешевой рабочей силы, там условия для развития долгового рабства складывались неблагоприятно. Сколько-нибудь значительное развитие кабального рабства, превращавшего в рабов свободное население, суживало социальную базу рабовладельческого государства, делало его внутренне и внешне неустойчивым¹.

Итак, ни характерная для античных народов особенность в отношении собственности, ни особенности их политического развития, ни ликвидация долгового рабства, ни какие-либо иные моменты производного характера не позволяют нам видеть в них причины, обуславливающие превращение рабства у античных народов в господствующий способ производства.

Наоборот, если признать, что, как указывалось выше, основным фактором, обусловившим переход рабства античных народов на высшую, античную его стадию развития, было вытеснение рабовладельческим производством самостоятельных производителей, что это вытеснение осуществлялось путем успешной конкуренции рабовладельческого производства, располагавшего источниками дешевой рабочей силы, то мы получим достаточно удовлетворительный ответ на вопрос о причинах, породивших переход к рабству античного типа.

Проф. Д. В. Кузовков

О РАСПРОСТРАНЕНИИ РИМСКИХ МОНЕТ У ДРЕВНИХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Значение находок римских монет в Восточной Европе заключается не только в массовости материала, позволяющей делать выводы на основании большого количества фактов, но прежде всего в том, что по самому своему существу монета, как орудие товарного обмена, является исключительно важным историческим источником. Неудивительно, что эти находки привлекают пристальное внимание исследователей, делающих на основании их изучения ряд важных исторических выводов.

За последние годы опубликован ряд статей, специально посвященных вопросам, связанным с находками римских монет в Восточной Европе². При этом определились некоторые расхождения во взглядах, касающиеся прежде всего вопроса о роли и значении римской монеты в древнеславянском обществе.

Изучение находок римских монет в Восточной Европе приводит к бесспорному выводу, что территориально они распределяются весьма неравномерно. Можно выделить три основных района распространения римских монет: а) территория лесостепной полосы и прежде всего — Правобережье Днепра, Вольнь, Подолия, Прикарпатье; б) Закавказье и Северный Кавказ и в) Прибалтика. Вне этих районов находки римских монет также известны, но там они встречаются очень редко. Сосредоточение находок в нескольких районах не случайно: римские монеты распространялись в пре-

¹ Не забудем, что, например, в Афинах войско вербовалось из свободного населения, которое, если бы ему угрожало долговое рабство, не могло бы быть опорой рабовладельческого государства.

² М. Ю. Б р а й ч е в с к и й, Знахідки римських монет на території УРСР, «Археологія», т. III, К., 1950, стр. 93—101; О. В. Ф е н і н, Знахідки римських монет у Прикарпатті, «Археологія», т. V, К., 1951, стр. 92—104; В. В. К р о п о т к и н, Лгады римських монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 241—281.